

Житие преподобный лев Оптинский

Краткое житие

Поэт сказал: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». Только спустя много лет мы можем полностью оценить личность человека, осознать его святость, его дары. Первый Оптинский старец Лев...

Молодой, здоровый удачливый, Лев Данилович Наголкин более десяти лет успешно занимался торговлей, вращался во всех слоях общества, хорошо изучил их манеры и быт. Господь в начале пути дал ему обогатиться жизненным опытом, который потом пригодился ему в годы старчества. Что заставило успешного купца отказаться от карьеры, богатства, радостей возможной семейной жизни? Обречь себя на жизнь полную лишений и труда?

«Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин. Который, нашед одну драгоценную жемчужину, пошёл и продал всё, что имел, и купил её». Так и отец Лев нашёл свою драгоценную жемчужину. Он пошёл к Богу

и стал тем, кем мы его знаем — первым Оптинским старцем.

Первому всегда тяжело. Тяжело пролагать зимнюю тропинку среди сугробов, заслоняя своей спиной от пронизывающего ветра тех, кто идёт за тобой. Тяжело первому идти по болоту, неверный шаг — трясина, а за тобой — те, кого ты любишь, за кого отвечаешь. Тяжело идти первому по дороге духовной жизни, ценой ошибки может быть душа человеческая. Та самая, которая дороже всего на свете. Какая это невыносимо тяжёлая ноша — быть первым! И отец Лев нёс эту ношу.

После светлой эпохи преподобного Сергия Радонежского традиции старчества были прерваны, при Петре I и после его царствования монашество преследовали. И в годы жизни отца Льва внешние подвиги — пост, труды, поклоны, а иногда и вериги — считались достаточными для спасения.

Непрестанная молитва, очищение сердца, откровение помыслов — всё, чему научился отец Лев от своего наставника, отца Феодора, ученика великого старца Паисия Величковского — было непонятным для многих монашествующих. Без непрестанной молитвы не очищается сердце, без откровения помыслов

подвижник не растёт. Старцы утверждали, что враг всеваёт помыслы, навязывает искушения, уровень которых всегда чуть выше, чем силы подвижника. Поэтому, открывая помыслы старцу, подвизающийся получает помощь. А демонский напор ослабевает.

Нам даны заповеди, но в жизни они могут исполняться в разных обстоятельствах по-разному. И не всегда легко понять, что происходит — искушение ли это, или то, чего хочет от тебя Господь. И старческое руководство необходимо для духовного роста. Ведь духовная жизнь не означает только пребывание в облаках. Она заключается в раскрытии законов духовной жизни, насколько они применимы к данному человеку в его ситуации, в его условиях...

Врагу ненавистно духовное руководство, старчество, которое обессиливает его козни. Так же как ненавистна умно-сердечная непрестанная молитва, без которой нельзя стяжать даров духовного рассуждения и старчества. Поэтому так ополчается враг на старцев.

Учителя преподобного Льва, схимонаха Феодора, всю жизнь преследовала страшная клевета и зависть. Такая же участь постигла и отца

Льва. Много лет пришлось им вести жизнь скитальческую, переходить из одного монастыря в другой, терпя от людской злобы, возбуждаемой врагом нашего спасения. Он испытал до дна скорби непонимания, клеветы, осуждения. Причём, не от чужих, а от своих — своей монашеской братии.

Начало своей монашеской жизни положил отец Лев в Оптиной Пустыни в 1797 году. Здесь он пробыл послушником в течение двух лет. Оптина же стала и местом расцвета его старческих даров и местом его последнего пристанища. Ему пришлось подвизаться также в других монастырях, и это было монашеской школой.

Святые Отцы говорят, что «молитвенный подвиг среди суетности мира, при погружённости в дела, возможен, как правило, лишь в пределах деятельного периода. Но надо полагать, что для человека, сподобившегося пройти деятельный путь подвига и достичь сердечной чистоты, будет уготована Промыслом Божиим и дальнейшая стезя. Господь, которому вся возможна, силен устроить любые внешние обстоятельства для своих избранников. Нет сомнений, что в подходящее время Он приведёт

такого человека в нужное место и поместит его в подходящие условия».

Так было и с преподобным Львом. Господь премудро вёл своего избранника по ступеням духовного роста, в каждом новом месте даруя ему пользу в соответствии с его возрастанием.

В Белобережной Пустыни, где отец Лев принял монашеский постриг в 1801 году с именем Леонид, настоятелем был известный афонский старец — отец Василий (Кишкин).

Под руководством такого подвижника молодой монах прошёл первые искусства и учился монашеским добродетелям: смирению, терпению. Узнал на практике внешние монашеские подвиги поста, послушания, молитвенного правила. 22 декабря того же года он был рукоположен в иеродиакона, 24 декабря — в иеромонаха.

После того, как первые монашеские уроки пройдены, Господь приводит будущего старца в Чолнский монастырь. Здесь знакомится иеромонах Леонид с будущим наставником — старцем Феодором. Который видит, что этот молодой подвижник созрел для высшего монашеского делания — подвига непрестанной молитвы. С этого момента наставник и ученик не расстаются на протяжении двадцати лет.

Вместе возвращаются в Белобережную Пустынь, где в 1804 году иеромонах Леонид сменяет афонского старца отца Василия. Его аскетический авторитет среди монахов уже в ту пору был настолько высок и бесспорен, что братия сама единодушно избирает его настоятелем Пустыни, о чем сам Леонид поначалу не знал. Он исполнял свое обычное послушание на квасоварне, когда ему сообщили об избрании и, даже не дав снять фартука, повезли оттуда на утверждение к архиерею.

Четыре года настоятельства — были школой искушения властью, школой обучения ответственности за вверенную ему братию. И когда эта школа была, по-видимому, пройдена, Господь своим Промыслом меняет обстоятельства жизни в гуще людей на уединение.

В 1808 году отец Феодор тяжело заболевает, и его перевозят в уединённую келью в лес, в двух верстах от обители. И его верный ученик меняет жизнь настоятеля монастыря на жизнь отшельника в лесной глуши, куда отправляется вслед за заболевшим наставником. Многие люди, которые стремятся к власти и ищут настоятельства, не поняли бы отца Леонида. А он не искал чинов и почёта, власти. Он не стал

ни игуменом, ни архимандритом. Будучи рукоположен в иеромонахи в 33 года, в возрасте около сорока лет, в пустынном безмолвии, он принимает схиму с именем Льва и заканчивает жизнь иеросхимонахом.

Его рост был духовным. Господь заботливо растил будущего старца, проводил узким путём испытаний и искушений — «неискушённый — неискусен». Через некоторое время из этой уединённой кельи подвижников выгнал новый настоятель из-за большого стечения народа к ним. Потом последовало много лет скитаний и испытаний по разным монастырям.

Значительной вехой на жизненном пути был Валаамский монастырь, где отец Лев, отец Феодор и их сподвижник отец Клеопа прожили шесть лет. Здесь уже дар старчества стал проявляться в отце Льве. Но когда высокая жизнь старцев стала привлекать к себе внимание, они снова ушли, стремясь к безмолвию, на этот раз в Александро-Свирский монастырь. Там отец Феодор преставился в 1822 году.

После кончины наставника отец Лев пробыл некоторое время в Площанской Пустыне, где познакомился с иноком Макарием — его будущим помощником во время

старчества в Оптином скиту. Промысел Божий просматривается на всех жизненных этапах старца.

И вот в 1829 году преподобный Лев вместе с шестью учениками приезжает в Оптину пустынь. Ему 61 год. Это старец, который волею Божией полностью созрел для старческого руководства, и он становится родоначальником всех старцев Оптинских. Настоятель, преподобный Моисей, почувствовав духовную опытность преподобного Льва, поручает ему окормлять братию и богомольцев. Сам Игумен Моисей занимался хозяйственной частью и ничего не предпринимал без старческого благословения. И в течение 12 лет, до дня своей смерти, отец Лев являлся духовным вождём Оптиной Пустыни.

Вскоре в Оптину приезжает и будущий старец Макарий, он будет ближайшим учеником, сокаинником и помощником преподобного Льва, а после его кончины, вторым Оптинским старцем. И вместе они воспитают великого Оптинского старца Амвросия.

Преподобный Лев был могучего телосложения, с зычным голосом, с гривой густых волос. «В нём особенно явственно выступало волевое начало аскетики, подвиг трудничества — в отличие

от двух других великих оптинских старцев. Он может быть уподоблен ветхозаветному Иакову, в поте лица работающему у Лавана, чтобы сначала получить Лию, а затем уже Рахиль. Возможно, не без Промыслительной помощи Макарий был свободнее от брани с «похотениями» плоти; наружным знаком того были его физические изъяны (неправильный череп, косноязычие). Лия, образно говоря, была дарована Макарию, к браку с Рахилью вела стезя новых подвигов. В Амвросии несомненно торжествует дух, овладевший телесной природой вполне и парящий над нею. Ему, можно сказать, сразу была дарована Рахиль, вскоре родившая Иосифа».

Отец Феодор, называл преподобного Льва — «смиранный лев». Чем выше человек поднимается по духовной лестнице, тем меньше сказываются на нём природные немощи, страсти, издержки темперамента. Человек благодатию Божией очищается от страстей, преображается, происходит чудо аскетического перерождения: «умиротворенный и просветленный дух освещал умным светом лик старца, сиял в его светлых глазах; весь облик его был выражением смирения и власти одновременно — замечательный парадокс аскетики».

Старцы Макарий и Амвросий, идущие по стопам Льва, наследовавшие дары своего наставника, получили духовный импульс, позволивший им идти вперёд под молитвенным покровом учителя, который взял на себя всю тяжесть и скорби первопроходца.

Все двенадцать лет старчества в Оптиной были наполнены гонениями, доносами, интригами. Старца переселяли из скита в монастырь, из одной кельи в другую, запрещали принимать страждущих, носить схиму, в которую он был подстрижен келейно. Всё это он принимал с полным благодушием, и переходил на новое место с любимой иконой Владимирской Божией Матери (когда-то её благословил отцу Феодору старец Паисий Величковский) и пением «Достойно есть».

Преподобный Лев вёл старческое окормление братии и принимал всех страждущих, немощных, больных. Исцеляя душу, он врачевал и плоть. Многих людей он спас от смерти телесной, но ещё больше от смерти духовной — спас их душу. Прозорливость старца, его духовное ведение, дар исцеления, примеры чудес, которые совершил он при помощи Божией, занимают целые тома книг. В силу праведности своей отец Лев мог дерзновенно

предстоять пред Господом за человеческие грехи в надежде на милосердие Его.

Приводили к нему многих бесноватых. Одна из них, как увидела старца, упала перед ним и закричала страшным голосом: «Вот этот-то седой меня выгонит: был я в Киеве, в Москве, в Воронеже, никто меня не гнал, а теперь-то я выйду!» Когда преподобный прочитал над женщиной молитву и помазал маслом из лампадки, горевшей пред образом Владимирской Богоматери, бес вышел.

Душа старца была преисполнена великой любовью и жалостью к человечеству. Но действия его иногда были резки и стремительны. И. М. Концевич, автор чудесной книги «Оптина Пустынь и её время» и ученик Оптиных старцев, писал: «Старца Льва нельзя обсуждать как обыкновенного человека, потому что он достиг той духовной высоты, когда подвижник действует, повинуюсь голосу Божию. Вместо долгих уговоров, он иногда сразу выбивал у человека почву из-под ног и давал ему сознать и почувствовать свою несознательность и неправоту, и таким образом своим духовным скальпелем он вскрывал гнойник, образовавшийся в огрубевшем сердце человека. В результате

лились слезы покаяния. Старец как психолог знал, каким способом достигнуть своей цели».

Вот только один из примеров прозорливости преподобного Льва: жил недалеко от Оптиной один барин, который хвастался, что как взглянет на старца, так его насквозь и увидит. Приезжает раз к старцу, когда там было много народу, а старец при его входе говорит: «Эка остолопина идет! Пришел, чтобы насквозь увидеть грешного Льва, а сам, шельма, 17 лет не был у исповеди и св. Причастия». Барин затрясся, как лист, и после каялся и плакал, что грешник неверующий и действительно 17 лет не исповедовался и не причащался святых Христовых Таин».

Не без скорби приближался преподобный Лев к концу своей многотрудной жизни, о близости упокоения он имел предчувствие. В июне 1841 года он посетил Тихонову пустынь, где, по его благословению, начала строиться трапеза. «Не увижу я, видно, вашу новую трапезу, — говорил преподобный Лев, — едва ли до зимы доживу, здесь уже больше не буду». Под конец жизни он предсказал, что России придется перенести много бед и горя.

В сентябре 1841 года старец начал заметно слабеть, перестал вкушать пищу и ежедневно

причащался Святых Христовых Таин. Умирая в тяжких телесных страданиях, преподобный Лев испытывал великую духовную радость, и все время благодарил Бога. В день кончины преподобного, 11 октября 1841 года, служили всенощную в честь памяти святых отцов семи Вселенских Соборов. Общая скорбь была неопишима, и велико было стечение народных масс у гроба усопшего старца.

Автор книги «Оптина Пустынь», протоиерей Сергей (Четвериков), различал в жизни [Оптиной Пустыни](#) три периода: весну при жизни отца Льва, лето при жизни отца Макария, плодоносную осень при жизни отца Амвросия. Но старцы Лев и Амвросий жили в разные эпохи, при жизни отца Льва не было регулярного почтового и телеграфного сообщения, не было железных дорог, как позднее, во время жизни отца Амвросия. Доступ к отцу Льву часто был закрыт, и слава о нём не могла греметь повсеместно, а про старца Амвросия ещё при его жизни были сообщения в печати, и образ его сиял как солнце в духовной жизни России. Но, кто из них был выше, может судить только Господь. Одно мы знаем точно — преподобный Амвросий был достойным учеником и преемником отца Льва. Первого Оптинского старца.

Полное житие преподобного Льва старца оптинского

[В купеческом звании](#)

[Начало монашеской жизни](#)

[Настоятельство в Белобережской пустыни.
Старец Феодор](#)

[В поисках уединения и молитвы](#)

[Первый оптинский старец](#)

[Молитвенник и заступник](#)

[Последние дни](#)

Преподобный Леонид стал основателем оптинского старчества. Он принес в обитель эту древнюю традицию, возобновленную великим подвижником Паисием (Величковским) и распространявшуюся в России через его учеников. Отец Леонид лично знал некоторых из них и так — из рук в руки — принял учение благодатного старца. В поисках возможности истинной молитвы и подвижнической жизни он сменил не одну обитель — сначала удалялся от суеты и многолюдства, а затем ему пришлось бежать от славы и молвы, которые стали сопровождать старца по мере того, как раскрывались его духовные дарования.

Последним пристанищем подвижника стала Оптиная Пустынь, где когда-то, еще в юности, он начинал монашескую жизнь. Здесь он станет мудрым наставником для монашествующих и множества посетителей, ищущих духовного назидания, а также воспитает преемников — будущих знаменитых оптинских старцев.

В купеческом звании

Лев Данилович Наголкин, будущий старец, родился в 1768 году в городе Карачеве Орловской губернии, в семье, принадлежавшей к мещанскому сословию. О его родителях ничего неизвестно. Судя по тому, что с юных лет ему пришлось работать приказчиком, семья была небогатой. По службе ему приходилось часто бывать в разъездах, много общаться с людьми. От природы Лев имел сметливый ум, прекрасную память, любознательность, благодаря своей общительности быстро научился обращению с представителями разных сословий. Не получив образования, он прошел богатую школу жизни.

Служил Лев в городе Болхове Орловской губернии в приказчиках у купца по фамилии Сокольников, торговавшего пенькой и конопляным маслом. Дом его стоял на Одерской площади, где находился большой городской

базар. Лев был расторопным, честным и верным работником. Редко кто из болховских купцов для сбыта пеньки выезжал за пределы уезда, а он наладил связи с петербургскими купцами, которым и продавал товар, для чего ему часто приходилось ездить в город Сухиничи Калужской губернии. Старец, вспоминая эту дорогу, приговаривал: «Плохинская дорога из Болхова в Сухиничи мне так была знакома, как с печки на лавку». Именно на этой дороге, которая пролежала среди глухих лесов, произошел случай, свидетельствующий о недюжинной силе Льва. Когда он возвращался из очередной поездки по делам в Сухиничи, на него напал волк — вскочив в сани, он с яростью набросился на молодого приказчика и вырвал у него из ноги кусок мяса. Но тот успел сунуть руку в пасть зверя и так сдавить ему горло, что волк, обессиленный, свалился с саней. Рана со временем зажила, но глубокий шрам от укуса остался, старец всю жизнь слегка прихрамывал на поврежденную ногу.

По-видимому, хозяин ценил оборотистого приказчика, доверял важные сделки. Со временем он решил отдать ему в жены свою дочь. Но Лев Данилович тогда уже избрал для себя иной путь в жизни. Он не прельстился возможностями, которые открывались благодаря

его незаурядным способностям, и предпочел полностью посвятить себя служению Господу. В 1797 году, в 29 лет, он оставил мирскую жизнь и поступил в монастырь — Введенскую Оптину Пустынь.

Начало монашеской жизни

Лев Данилович пришел в Оптину при игумене Авраамии, трудами которого обитель только начинала восстанавливаться после годов упадка.

Ревностно принялся молодой послушник за монастырские труды, подавая братии пример послушания. Здесь проявилась в полной мере его поистине богатырская сила. Однажды они вдвоем с еще одним послушником за полдня выкопали огромный ров, который был срочно необходим для строительства и ради которого собирались искать больше десятка работников. Но потом старец сам рассказывал, что на тяжелых послушаниях в эти первые годы он подорвал здоровье. Не менее ревностно осваивал он и премудрость иноческой жизни — молитву, борьбу со страстями, стяжание добродетелей. Стремление к совершенствованию в духовном делании подвигло его в 1799 году перейти в Белобережскую обитель, расположенную в Брянском уезде и более удаленную от многолюдных мест. Там настоятельствовал тогда

известный подвижник — старец Василий (Кишкин), долгое время подвизавшийся на Святой Горе Афон. В 1801 году послушник Лев был пострижен в монашество и наречен Леонидом. 22 декабря того же года его рукоположили в сан иеродиакона, а 24 декабря — во иеромонаха.

Известны несколько случаев из жизни преподобного в Белобережской пустыни. Однажды накануне храмового праздника братия, исполнявшие послушание на клиросе, недовольные чем-то, отказались совершать службу, надеясь этим принудить настоятеля выполнить некоторые их требования. Но настоятель не захотел уступить и, чтобы смирить их, позвал отца Леонида с другим братом пропеть праздничную службу. Преподобный весь день возил с хутора сено. Усталый, покрытый пылью, он только что собирался передохнуть, когда ему передали волю настоятеля. Без всякого ропота отправился он в церковь и вдвоем с товарищем пропел всю всенощную.

Другой случай показывает великое человеколюбие отца Леонида. Был в пустыни брат, впавший в прелесть. Поднялся он однажды на колокольню и закричал: «Смотрите!

Смотрите! Я вергнусь низу и не разобьюсь — ангелы Божии примут мя на руки свои!» Отец Леонид в это время трудился на послушании. Услышав голос, он бросил работу и побежал на колокольню. Едва успел он схватить за край одежды прельщенного брата. Отец Леонид не только спас его от смерти, но и позаботился о душе чуть не погибшего брата — разъяснил его заблуждение и со временем тот пришел в себя.

Настоятельство в Белобережской пустыни. Старец Феодор

В 1804 году игумен отец Василий оставил начальствующую должность, необходимо было избрать кого-то на его место. Когда братия стала обсуждать этот вопрос, отец Леонид решил про себя: «Выберут кого-нибудь и без меня», — и пошел исполнять послушание, варить квас. Между тем все единодушно согласились избрать настоятелем именно его, отправились вместе на квасоварню, где объявили о своем решении, после чего повезли к архипастырю для утверждения в должности.

Тогда произошло важное событие в жизни отца Леонида — он познакомился с иеромонахом Феодором, которого встретил в Чолнском монастыре, где побывал перед назначением на настоятельство. Отец Леонид сразу почувствовал

В нем истинного подвижника высокой духовной жизни, необходимость в таком руководителе он давно ощущал. Старец Феодор прибыл в Чолнский монастырь из Молдавии, где подвизался в обители под началом знаменитого старца Паисия (Величковского). Он был делателем умной молитвы, хорошо знал древние писания подвижников-аскетов, имел рукописи переводов святоотеческих творений, сделанных старцем Паисием. Встреча с духоносным подвижником стала знаменательным событием в жизни отца Леонида. Он сразу понял, что это наставник, которому можно верить свою жизнь. Внешние подвиги — пост, исполнение послушаний и молитвенного правила, как он тогда уже понимал, недостаточны для духовного возрастания. И вот наконец Промысл Божий послал ему того, кто мог стать настоящим руководителем в духовной жизни. Вскоре отец Леонид был утвержден строителем Белобережской пустыни, а старец Феодор перешел туда на жительство, приняв приглашение настоятеля. Его обрадовала возможность уединенной жизни в пустыни, а отец Леонид обрел духовного отца, с которым не расставался уже до самой его кончины.

С принятием настоятельства жизнь отца Леонида особенно не изменилась, за

исключением новых трудов и обязанностей. Уже тогда отличительными его свойствами были простота и безыскусственность в обращении со всеми, он не терпел лести и человекоугодия. В молодости имевший опыт общения с людьми разных сословий, он знал тщету человеческих чинов и званий, духовные подвиги заострили в нем умение видеть человека сквозь все внешние отличия. Его прямота, а иногда и резкость в обращении не были следствием неумения сдерживать раздражение или гнев, но желанием обратиться непосредственно к душе человека, а если надо — и встряхнуть его.

Но самым главным в этот период было для него руководство старца Феодора, которому он предался в полное послушание. С его помощью он проходил науку наук монашеского делания — Иисусову или умную молитву, которую, по учению святых отцов, можно осваивать только имея опытного наставника, самочиние в этом деле может привести монаха к прелести и падению. Подвижников связывала глубокая духовная дружба, старец и его ученик подвизались в полном единодушии, являя пример христианской любви.

Присутствие старца вскоре привлекло в пустынь множество богомольцев, желающих услышать от

него совет, прибегнуть к молитвенной помощи. Прежде уединенная обитель стала знаменита. Отец Леонид все больше тяготился начальственной должностью, стремясь к созерцательной жизни. И вот через четыре года руководства пустынью, в 1808 году, он снял с себя настоятельство и вместе со старцем Феодором поселился в келье, построенной для них в отдалении от обители. К ним присоединился и старец Клеопа. Здесь отец Леонид был келейно пострижен в схиму с именем Лев. Старец Феодор иногда в шутку называл своего собрата «смиренный лев».

В поисках уединения и молитвы

Но и эта удаленная келья со временем стала местом паломничества множества богомольцев. И вновь подвижники решили укрыться от славы и многолюдства и обрести уединенное место для спасения, подвигов и сосредоточенной молитвы. На этот раз они отправились на север — в Валаамский монастырь, куда прибыли в 1811 году и поселились во Всесвятском скиту.

Когда они прибыли в скит, старец Феодор писал: «Уже теперь перед милосердным нашим Создателем и Искупителем не можем никакого извинения и оправдания принести. Он исполнил все наше желание... Вправду можно похвалиться

милосердием Божиим, на нас недостойных явленным. Привел нас в место безмолвное, спокойное, от человек удаленное, молвы свободенное. Отец Леонид определен у нас в скиту смотрителем. Только помолитесь милосердому Богу, да даст отныне начало положить Его возлюбити, и по Его святой воле жити, и Божественные Его заповеди сохранять». Эти строки вполне передают настроение подвижников.

И здесь старцы со временем обрели славу своими мудрыми советами и наставлениями. Валаамская братия, тогда также еще не имевшая собственных опытных наставников, вскоре осознала, какое сокровище послало им Провидение Божие в лице старцев. Их пребывание на Валааме послужило возникновению старчества в этой древней обители, которая процвела в дальнейшем целым сонмом своих подвижников. Старцы спасли от пагубного духовного состояния монаха Евдокима, который после этого всю жизнь был им благодарен и не уставал рассказывать всем об их мудрости и любви к людям. Обращались к ним и паломники, сохранилась обширная переписка отцов Леонида и Феодора с духовными чадами. Как сказал о старцах живший в то время на Валааме юродивый

Антон Иванович, «торговали здесь хорошо», — так он выразился, имея в виду приобретение душ Христу.

На Валааме старцев постигло искушение. Их свободное, безыскусное обращение с братией, готовность помочь в духовных нуждах породили в настоятеле игумене Иннокентии подозрение в посягательстве на руководство братией. Этот случай показывает, насколько утрачено было в то время истинное понимание значения старческого руководства. Дело дошло даже до митрополита Петербургского Амвросия. После разбирательства, которое пришлось учинить, причем старцев подвергли письменному допросу, истинная причина гонения на них стала очевидна. Митрополит, покоренный простотой и мудростью старцев, сделал замечание настоятелю. Хотя истина восторжествовала и после этих событий старцы оказались в еще большем почете, зная человеческую природу, они решили не оставаться на Валааме. Отец Клеопа скончался на Валааме в 1816 году, а отец Леонид и старец Феодор отправились в 1817 году в Александро-Свирский монастырь.

Подробностей о жизни старцев Леонида и Феодора в Александро-Свирской обители

известно немного. Сохранилось свидетельство о том, как они предсказали день и час приезда Александра I в монастырь. В 1820 году император совершал большую поездку по северным пределам России, посещая и расположенные на пути обители. Александрo-Свирский монастырь не значился в его маршруте, но, увидев на дороге крест, указывающий дорогу к монастырю, царь изъявил желание побывать в обители, тем более, что ему рассказали о духоносных старцах, живущих там. Каково же было удивление императора, когда на подъезде к обители он был торжественно встречен настоятелем и братией. Оказалось, что отцы Леонид и Феодор заранее предупредили настоятеля о прибытии императора, хотя никаких официальных сообщений об этом не было. Когда царь узнал, что его приезд предсказали старцы, он захотел увидеть их и взять благословение. Чтобы избежать соблазна и славы, отец Леонид и Феодор на все вопросы императора отвечали сдержанно, когда же тот пожелал взять благословение у старца Феодора, тот отказался, объяснив, что он простой мужик, не рукоположенный во иереи. Император не стал настаивать, откланялся и уехал.

В Александро-Свирском монастыре отцу Леониду придется навсегда расстаться со своим духовным руководителем и другом старцем Феодором. Он почил 7/20 апреля 1822 года, в пятницу Светлой седмицы, окруженный учениками, вспоминая, что перед самой кончиной лицо старца просияло, весь его облик просветлел и они даже не могли продолжать скорбеть об утрате своего наставника, настолько радостным был его лик.

После кончины старца Феодора отец Леонид с учениками хотел сразу уйти из Свирского монастыря в более уединенное место — так им заповедал старец. Но несколько лет его удерживали в обители, не отпуская даже на богомолье в Киев. Лишь в 1828 году он перебрался в Пощанскую пустынь, где произошла его встреча с будущим оптинским старцем Макарием (Ивановым), его верным учеником и сомолитвенником. И вскоре, в 1829 году, с шестью учениками, среди которых был и будущий знаменитый подвижник — святитель Игнатий (Брянчанинов), старец Леонид перешел в Предтеченский скит Оптиной Пустыни. Сюда его давно звал и епископ Филарет (Амфитеатров), по инициативе которого был устроен скит, и настоятель игумен Моисей, желавший иметь в обители опытного старца.

Через некоторое время прибыл в скит и отец Макарий, который будет верным помощником старца Леонида по окормлению братии и богомольцев.

Первый оптинский старец

Настоятель отец Моисей сразу передал отцу Леониду духовное руководство братией. Поселился старец на монастырской пасеке, где ему был отведен домик в некотором отдалении от скита, чтобы здесь могли бывать все посетители, в том числе и женщины (вход в скит женщинам был воспрещен).

Уклад жизни в скиту был строгий, вот как его описывает Игнатий (Брянчанинов), в то время — послушник и ученик старца: «Все скитяне составляли тогда одну духовную семью. Мир и любовь царствовали в ней. Все отличались глубоким смиренем. Каждый старался превзойти другого в этом отношении. Даже взглядом боялись друг друга оскорбить, испрашивая прощение при малейшем оскорблении брата. Все сохраняли безмолвие. По кельям друг к другу не ходили. Некоторые только выходили иногда для уединенных прогулок в скиту в ночное время. Новоначальных наставляли не столько словами, сколько примером своей жизни. Благой пример старших братий

благодетельно действовал на них, располагая их к подражанию. На общие послушания выходили все обязательно (исключая некоторых почтенных старцев). Дрова для топлива келий собирали сами в лесу. Чай пили только по субботам, воскресным и праздничным дням, собираясь для этого у старца отца Леонида на пасеке. Самоваров же по кельям братия не держали. Приготовление пищи по кельям и вообще держание съестных припасов в кельях было воспрещено. О водке и табаке не было и помину. Для откровения помыслов все братия ходили ежедневно к Старцу на пасеку после вечерней трапезы и у него же в келье выслушивали молитвы на сон грядущим. Больше всего поучал Старец смирению».

Жизнь старца была наполнена молитвой и попечением о братии и посетителях. В два часа по полуночи начиналось утреннее правило, затем совершалась ранняя обедня. Вечернее правило состояло из девятого часа и двенадцати избранных псалмов, с тремя канонами — Спасителю, Божией Матери и Ангелу хранителю — и акафистом, положенным в этот день. Старец выслушивал это правило у себя в келье. После вечерней скитской трапезы прочитывались повечерие, вечерние молитвы, две главы из Апостола и одна из Евангелия.

Старец всегда внимательно слушал чтение, делая замечания и поправляя ошибки, под его руководством воспитывались прекрасные чтецы. В это время, перед отходом ко сну, в келье у старца собирались скитские братья для получения назидания, откровения помыслов, разъяснения возникших вопросов и недоумений. После чтения Священного Писания — а старец нередко сам читал Евангелие — он разъяснял смысл прочитанного. Келья батюшки была всегда переполнена, некоторые из братии, пришедшие с тяжелых послушаний, сидели на полу, все благоговейно внимали словам старца.

Отец Леонид особо почитал преподобного Александра Свирского, в обители которого прожил 12 лет, в келье находилась большая икона этого святого, где он был изображен на холсте в рост, а также большой образ ангела хранителя и Владимирская икона Божией Матери — благословение схимонаха Феодора, которой очень дорожил старец.

Все время, свободное от молитвы и богослужения, отец Леонид посвящал служению ближним. Пищу он вкушал два раза в день, самую простую. Сон, включая краткий послеобеденный отдых, занимал не более трех часов в сутки. В крайне редкие моменты, когда

рядом не оказывалось людей, он, по воспоминаниям, творил Иисусову молитву или же негромко исполнял церковные песнопения. Какими бы людскими толпами он ни был окружен, ум и сердце старца никогда не отлучались от Бога. Вспоминают также, что во время приема посетителей он имел обыкновение заниматься нехитрым рукоделием: плел пояски, которые раздавал потом как благословение.

Очевидцы вспоминают, как замечательно проходили чаепития у старца, куда собиралась вся братия. Иноки очень любили эти моменты и пользовались возможностью в непринужденной обстановке пообщаться с батюшкой.

Благоговение и сосредоточенность сочетались с той простотой и свободой, которые были отличительной чертой старца в общении. Речь его была простой, при этом яркой и образной, наполненной народными поговорками, присловьями, поэтому очень живой и доступной. Он не переносил, как сам выразился в одном из писем «ученого штиля политику и душевного человечества художественного соображения». Говорил ученикам: «Ребята! За что купил, за то и продавай», призывая всегда держаться простого, открытого обращения, в котором бы не было ничего искусственного. «Если бы ты был, яко апостол, простосердечен,— сказал он

однажды приближенному ученику, — если бы ты не скрывал своих человеческих недостатков, не притворял бы себе особенного благоговения, ходил бы не лицемерствуя, — то этот путь есть ближайший ко спасению и привлекающий благодать Божию. Непритворство, нековарство, откровенность души, — вот что приятно смиренному сердцем Господу: "Аще не будите, яко дети, не внидите в Царствие Божие".

Поэтому учениками старца Леонида не могли быть люди лукавые или лицемеры. Он не любил, если кто-то усиленно выражал в словах и поступках внешнее смирение, усердие, благоговение и называл это «химерою» — так в народе именуется пустоцвет на огурцах. «Ты на лету хочешь схватить мои слова, — сказал он одному духовному сыну, — хочешь мимоходом спастись, наскоро научиться. Потому у тебя и восторги, целование батюшкина плеча или руки. А я при отце Феодоре был к нему без фанатизма (отец Леонид часто употреблял это слово); мысленно же готов был кланяться ему в ноги с сыновним почтением».

Старец мог быть резок и не боялся, если нужно, затронуть самолюбие своих духовных детей. Напротив, все его обращение с ними направлено было к искоренению этого скрытого, но губительного порока. Но в этом никогда не было

грубости или раздражения и делалось исключительно ради духовной пользы.

«Бывало,— рассказывал один ученик старца,— батюшка сделает мне такой строгий и грозный выговор, что едва на ногах устою; но тут же и сам смирится, как дитя, и так умиротворит и утешит, что на душе сделается легко и отрадно; и уйдешь от него мирный и веселый, как будто батюшка меня хвалил, а не укорял».

Часто свои назидания и внушения он разбавлял шуткой, обладая отменным чувством юмора. Отец Антоний (Медведев), в будущем наместник Троице-Сергиевой лавры, вспоминал, как в бытность свою послушником в Оптиной, всегда обращался к старцу. И вот, бывало, поссоришься с братом и начнешь себя оправдывать, а брата винить: «...но совесть все-таки побуждает объясниться пред батюшкой. Идешь и объясняешься. Батюшка выслушивает, иногда и поддакивает. Тогда уже без стеснения свободнее себя оправдываешь. "Ну, хорошо,— скажет, наконец, старец,— значит, ты прав, а тот виноват; значит, мы с тобой квиты; ты теперь праведный, и тебе теперь до меня нет никакого дела; иди-ка с Богом; ты теперь спасен. А меня оставь, ибо мое дело употреблять труд и время для грешников. Иди-ка, иди с своею праведностью, а нам грешным не мешай".

Чтобы поправить дело и возвратить к себе благоволение старца, начнешь еще говорить что-либо к своему оправданию: "Да нет, батюшка, ведь это дело-то вот так и так было". — "Значит, ты еще правее,— заметит старец,— иди-ка, иди,— ведь за дверями грешники ждут, а ты им мешаешь". Выходишь от старца, как бы связанный по рукам и ногам. Идешь в келью, чтобы успокоить себя. Но нет,— в келье проведенный один час кажется за год. Идешь опять к Старцу объяснить и это, по-видимому, невинное страдание, и этим еще более себя спутаешь. И старец с своей стороны подтверждает эту невинность, которая ведет по той же дороге — из кельи вон. Так повторяется до тех пор, пока водворится в душе искреннее сознание своей виновности». По многим свидетельствам, отец Леонид никогда не удовлетворялся внешним примирением братьев, добиваясь искреннего, нелицемерного прощения обид с обеих сторон. Он постоянно призывал учеников хранить между собой взаимную любовь, мир и единомыслие. Часто он повторял слова Христовы: «О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою». В одном из писем говорит: «Притом мы имеем заповедь Божию любить чистосердечно ближних, а искать от них любви, о том нигде не сказано».

Своих чад старец стремился направить на борьбу со страстями, коренящимися глубоко в душе, понимая, что преодоление себялюбия, самомнения, других пороков — гораздо более тяжелый труд, чем исполнение внешних подвигов, которые необходимы, но лишь как средство. Один брат упорно просил отца Леонида, чтобы тот дозволил ему носить вериги. Старец долго не соглашался, объясняя, что не в веригах спасение. Наконец, желая проучить брата, позвал монастырского кузнеца и сказал ему: «Когда придет к тебе такой-то брат и будет просить сделать ему вериги, дай ему хорошую пощечину». Через некоторое время на очередную просьбу брата старец сказал: «Ну поди, поди к кузнецу, попроси его сделать тебе вериги». Брат с радостью прибегает в кузню и говорит: «Батюшка благословил тебе сделать для меня вериги». Занятый в это время делом кузнец, проговорив наскоро: «Какие тебе вериги?» — как даст ему пощечину. Тот, не стерпев, ответил ему также пощечиной, и тотчас оба отправились на суд к старцу. Кузнецу конечно ничего не было. А брату, желавшему носить вериги, был от старца хороший выговор: «Куда же ты лезешь носить вериги, когда и одной пощечины не мог потерпеть!»

Терпение оскорблений и обид отец Леонид считал необходимым для спасения, он писал духовному чаду: «Того, напротив, который наносит нам оскорбления, мы должны почитать благодетелем нашим: он не другое что, как орудие, коим Бог устраивает наше спасение. Таким образом, мы будем почитать обижающих нас благодетелями. И когда начнем приучать себя к самообвинению... тогда сердце наше, с помощью Вышнего, может сделаться в духовном смысле мягким, кротким. Человек соделается вместилищем благодати и мира духовного. Тогда душа почувствует такой мир, которого мы в состоянии гордости ощущать или, лучше сказать, вкушать не можем. Сей-то мир будет просвещать разум подвижника... Тогда он удобнее может отразить зло, покорить и посвятить сердце всему тому, что только спасительно. Неудовольствия будут уже казаться радостными и приятными». Сам старец уже достиг духовного мира, который не могли нарушить никакие скорби или неприятности. Никто никогда не видел святого возмущенным, в страстном гневе или раздраженным. В самые тяжелые дни его жизни от него невозможно было услышать слово нетерпения или ропота, никто не видел его в унынии.

О том, как нелегко достается душевное спасение, старец нередко повторял свою поговорку: «Душу спасти — не лапоть сплести». Один из учеников спросил старца: «Батюшка, как вы приобрели такие духовные дарования, какие мы в вас видим?» Преподобный отвечал: «Живи проще, Бог и тебя не оставит и явит милость Свою».

Но тогда как для большинства братии и огромного числа богомольцев было очевидно, что старец Леонид — человек святой, тем не менее, и среди монашествующих, и со стороны церковных властей постоянно воздвигались на него гонения, так что скорби и искушения преследовали старца до конца дней. Особенно же досаждал ему Преосвященный Николай, епископ Калужский. Он поддерживал монахов, недовольных деятельностью отца Леонида, не понимающих истинного значения старчества и писавших на него доносы. Положение особенно обострилось в 1835 году. Епископ Николай неоднократно запрещал отцу Леониду принимать посетителей, а в 1836 году перевел его из скита в монастырь, тем самым лишив скитскую братию духовного руководителя. Скитяне все равно приходили к старцу в обитель, но это нарушило сложившийся уклад жизни, доставляя всем большие неудобства. А

жаждущие найти у старца утешения и теперь находили его — никакие запреты не могли заставить отца Леонида отказаться от своего долга — врачевать души людей, наставлять их на путь истины. Ища всегда лишь славы Божией и пользы ближних, преподобный говорил: «Хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите, хоть на огонь меня поставьте, я буду все тот же Леонид! Я к себе никого не зову, а кто ко мне приходит, тех гнать от себя не могу. Особенно в простонародии многие погибают от неразумия и нуждаются в духовной помощи. Как могу презреть их вопиющие душевные нужды?»

Действительно, Владыка Николай, в очередной раз запретив старцу принимать людей, грозился сослать его в Сибирь, если тот не послушается. Но старец, с первых дней своей монашеской жизни являвший образец послушания, в этом вопросе был непреклонен — следование воле Божией было для него превыше всего.

Епископ Николай грубо обращался со старцем, совершенно не считаясь с его годами. Он запретил ему носить схимническое одеяние, поскольку постриг в схиму был совершен келейно. Но отец Леонид все притеснения, касавшиеся его лично, переносил со смирением и благодушием, даже, можно сказать, весело. Когда его внезапно перевели из скита и в

обитатели не нашлось сразу подходящей кельи, больному немощному старцу приходилось подниматься по крутой лестнице. На сетования послушника по поводу этого неудобства он сказал со смехом: «Экой ты чудак, Саша-Алексаша! Ты посмотри-ка, тепло-то как! Просто покатывайся с боку на бок. А ты говоришь — неудобно. Да по мне хоть бы на колокольню поместили, только бы тепло было».

По настоянию Преосвященного Николая больной старец должен был ходить ежедневно к церковным службам. Но это требование обернулось настоящим «триумфом» отца Леонида — его выход из кельи сопровождался бурным проявлением народной любви. Вот как писал об этом очевидец: «...чудное было в то время зрелище. Его шествие в храм Божий походило на шествие триумфальное. Народ с нетерпением ждал его появления. При его выходе из кельи многие повергались пред ним на землю, все старались принять от него благословение и поцеловать его руку, некоторые целовали края его одежды, а иные громко выражали свое сострадание к нему. Небольшое пространство от кельи до церкви старец проходил между двух стен народа не менее получаса, шутя отгоняя палкой слишком теснившихся к нему. У правого

клироса, где становился старец, собирались огромные толпы народа».

Лишь в конце жизни старца, благодаря заступничеству митрополита Филарета (Амфитеатрова), искренно любившего отца Леонида, калужский Владыка несколько ослабил свое гонение. В последнюю свою встречу со старцем Владыка все же попрекнул его, сказав: «Ну что, старик, тебе все нейметя? Сколько тебе ни запрещай, ты все возишься с этой бестолковой толпой. Пора бы тебе это оставить. Ведь умирать пора». На что старец без всякого смущения и лицемерия ответил: «Владыко святой! Уже не к чему мне оставлять то, к чему я призван. Пою Богу моему, дондеже есмь. Я и гоню их от себя палкой, как вы мне говорили, да вот не слушают. А не угодно ли вам спросить у них, зачем они ко мне обращаются, — я ведь их к себе не зову». Но на это предложение старца Владыка только рассмеялся и сказал: «Вот еще какую штуку выдумал!» После этого он все же оставил отца Леонида в покое, дав возможность жить и действовать, как ему угодно. А для старца главным было — служить ближним, исполняя волю Божию.

Молитвенник и заступник

Любовь к старцу в народе была огромная. Простые люди относились к нему с полным доверием, обращались со всеми своими нуждами. «Случилось мне однажды, — вспоминал Л. А. Кавелин (в будущем — архимандрит, наместник Троице-Сергиевой лавры), — проезжать из Козельска в Смоленскую губернию. По дороге в уединенных деревушках поселяне, узнав, что я еду из Козельска, наперерыв спешили узнать что-нибудь об отце Леониде. На вопрос: "Почему вы его знаете?" — они отвечали: "Помилуй, кормилец, как нам не знать отца Леонида? Да он для нас, бедных, неразумных, пуще отца родного. Мы без него были, почитай, сироты круглые". Вот памятник, который вековечнее многих мраморов и гранитов!»

Однажды приехал в Оптину Пустынь благочинный из Белева, протоиерей Иоанн Глаголев, который любил и уважал отца Леонида и взаимно пользовался уважением старца. Прийдя к нему, отец Иоанн увидел его по обычаю окруженным крестьянками. «Охота вам, батюшка, возиться с бабами», — сказал он с свойственной ему простотой. «Что ж, отец Иоанн, и правда: это бы ваше дело, — ответил старец, — а скажите-ка, как вы их исповедуете?»

Два-три слова спросите, вот и вся исповедь. Но вы бы вошли в их положение, вникнули бы в их обстоятельства, разобрали бы, что у них на душе, подали бы им полезный совет, утешили бы их в горе. Делаете ли вы это? Конечно, вам некогда долго с ними заниматься. Ну, а если и мы не будем их принимать, куда же они, бедные, пойдут с своим горем?» Пристыженный протоиерей сознался в необдуманности своих слов.

Отцу Леониду были даны от Господа многие дары. Человек еще не переступал порога его кельи, а старец уже знал, с чем тот к нему идет — в каком состоянии, с какими вопросами и недоумениями, как тут можно помочь, утешить. Приехал как-то в Оптину Пустынь ректор семинарии. Когда ему предложили обратиться к старцу Леониду, он сказал: «Что я с ним, мужиком, буду говорить?» Когда же он все-таки пошел к старцу, отец Леонид повторил его слова: «Что тебе со мною, мужиком, говорить?» Несмотря на такую бесцеремонную встречу, ректор не оскорбился на старца, говорил с ним часа два, а потом так выразил свое впечатление: «Что наша ученость? Его ученость — трудовая, благодатная».

Нередко случалось, что к старцу приходили люди, скептически настроенные, относившиеся к нему с недоверием. Но их мнение быстро менялось, стоило им только лично встретиться с отцом Леонидом. Недалеко от Оптиной Пустыни жил один барин, который хвастал, что как только взглянет он на старца, так его всего насквозь и увидит. Однажды этот барин приехал к старцу и вошел к нему в келью. Тот, взглянув на него, сказал: «Эка остолопина идет! Пришел, чтобы насквозь увидеть грешного Леонида. А сам, шельма, семнадцать лет не был на исповеди и у Святого Причащения». Барин, по воспоминаниям, «затрясся, как лист», и после плакал и каялся, что он, грешник неверующий, действительно, семнадцать лет не исповедовался и не причащался Святых Христовых Таин.

Старец разрешал все проблемы, вникал в бытовые, житейские обстоятельства. Когда выяснилось, что браки, совершенные по его благословению, всегда удачны, к нему стали часто обращаться с вопросами об устройении семейной жизни. Просившим благословение на брак отец Леонид обыкновенно советовал обстоятельно рассмотреть ситуацию, обратить внимание на то, чтобы и жених и невеста были здоровы, обеспечены, желательно — были равными по положению и возрасту. Бедным

семействам не советовал брать богатую невесту, чтобы не оказаться в зависимости. При этом старец повторял простую старинную пословицу: «Знай сапог сапога, а лапоть лаптя».

Вопрошавшим о выборе жениха говорил, чтобы обращали внимание на свойства его отца, а о невесте, — чтобы смотрели на характер матери. Наконец жениху, невесте и их родителям рекомендовал после усердной молитвы прислушаться к своему сердцу. Если при мысли о браке ощущается душевное спокойствие, — то можно решаться на этот шаг. В противном случае, если есть сомнение, безотчетная боязнь, беспокойство и смущение, то стоит еще подождать и поискать.

Благодаря дару прозорливости старец многих спас от разных бед и несчастий, вовремя предупредив об угрожающей опасности. Однажды он на три дня задержал у себя приехавших к нему купцов, а потом выяснилось, что всё это время их подстерегали, чтобы убить и украсть деньги, которые были у них с собой. Исцелениям же по молитвам старца не было числа. И не только те, кто приходил к батюшке, получали помощь, но нередко он сам, первый, проявлял заботу. Известен такой случай. Монахиня Севской обители страдала неизлечимой болезнью — раком груди. Врачи

ничем не могли помочь больной и утверждали, что жить ей осталось не больше трех дней. Во время всеобщего бдения накануне праздника Введения во храм Божией Матери, когда страдания ее стали невыносимыми, она видит наяву — входят к ней два старца. Один из них говорит: «Приезжай ко мне в Оптину, помолись Богу и получишь исцеление». Собрав последние силы, страдальца поспешила отправиться в путь. Когда добралась она до Оптиной Пустыни, тотчас два старца пришли к ней в гостиницу и она узнала в них тех, что являлись ей в праздник. Старшим был преподобный Леонид, а младшим — преподобный Макарий. Много беседовали с нею старцы, а наутро пришел отец Леонид, помазал ей грудь маслом из лампы и окропил святой водой. Боль у нее тотчас затихла, а вечером она была уже совершенно здорова. Вместо обещанных врачами трех дней по молитвам преподобного она прожила еще более двух десятков лет. Старец исцелял душевнобольных и бесноватых, возрождая людей к новой жизни.

Однажды три женщины привели к преподобному больную, лишившуюся рассудка. Они плакали и просили старца помолиться о ней. Он возложил на голову больной конец епитрахили и свои руки и, прочитав молитву,

трижды перекрестил ее голову. На следующий день больная была уже совершенно здоровая.

Духовная деятельность отца Леонида не ограничивалась только Оптиной Пустынью. Часто посещал он Калужскую Тихонову пустынь, где настоятельством его духовный сын — отец Геронтий. Когда игуменом Малоярославецкого Никольского монастыря назначен был отец Антоний (Путилов), вместе с ним перешли в эту обитель и многие ученики его, все они неизменно прибегали за советом к старцу Леониду. Многие инокини женских обителей были под духовным руководством у старца, особенным его попечением пользовались Севский Троицкий монастырь, Борисовская Тихвинская пустынь и Белевский Крестовоздвиженский монастырь.

Игумен Антоний (Бочков) оставил нам портрет старца: «Лицо его круглое, смугловатое, от подвигов бледное и благообразное, с выражением строгости и мужества, обрамлено было небольшою бородою. Волосы на голове густые и длинные. Под старость они сделались настоящею львиною гривой, желто-седою, волнистою, и спускались гораздо ниже плеч.

Глаза небольшие, сероватые, смотрели прямо, не наблюдая за пришедшим и не догадываясь, что

таится в его душе. С одного взгляда Старец знал, что привлекло к нему иного странника, прошедшего тысячи верст. Руки были очень стройны и красивы... Рост его был выше среднего. Походка красивая; мужественная и вместе с тем легкая мерная поступь показывала, что он легко носил свое довольно тяжелое тело. Никакой сутуловатости и согбенности старческой не видно было в этом, утвердившемся в битвах духовных, воине Христовом». Многие вспоминали, что при простоте обращения, вид старца был по-настоящему величественный и с первого взгляда внушал почтение и благоговение.

Последние дни

Отец Леонид и в преклонном возрасте отличался бодростью духа, никогда не жаловался на здоровье. Но годы и огромная нагрузка брали свое. В 1841 году началась тяжелая предсмертная болезнь старца. С первых чисел сентября он стал заметно ослабевать. Но никакой помощи от врачей не принимал, все упование свое возложив на Господа. Пищи в последние дни старец вовсе не вкушал, укрепляло его только причастие Тела и Крови Христовых.

15 сентября он был соборован и с этого дня стал готовиться к кончине. Прощался с приходившими к нему братьями, благословлял их, никого не оставляя без утешения. 28 сентября, приобщившись Святых Таин, пожелал, чтобы пропели канон на исход души.

Окружавшие его братья, почувствовав близкое сиротство, начали просить его не оставлять их в скорби. Он же сказал, прослезившись: «Дети! Если у Господа стяжу дерзновение, всех вас к себе приму. Я вас вручаю Господу. Он вам поможет течение сие скончати, только вы к Нему прибегайте, Он сохранит вас от искушений».

В субботу 11/24 октября старец благословил всех окружавших его и сказал: «Ныне со мною будет милость Божия». После этих слов он возвеселился духом и, хотя испытывал тяжкие телесные страдания, не мог скрыть своей радости, лицо его просветлело. С молитвой на устах старец предал свой дух Богу. На третий день, при огромном стечении народа, состоялось отпевание старца Леонида, погребен был преподобный близ соборной Введенской церкви, за приделом святителя Николая Чудотворца.

Утешением скорбящим была уверенность в том, что старец пребывает с Господом во славе, сам

он в одном из писем так описывал ту жизнь, которая ожидает праведных после кончины: «Святое Писание показывает нам, что мы чрез смерть теряем в жизни сей и что приобретаем в будущей: приобретаем жизнь вечную, безболезненную,— жизнь, в которой нет страсти смущающей, нет зависти иссушающей, нет бед оскорбляющих, в которой нет дряхлой старости и младенческой слабости, но состояние присноцветущее, никаким переменам не подлежащее, пребывание блаженное, никаких пределов не имеющее, житие непорочное, от всяких соблазнов житейских удаленное».

Иеромонах Макарий, верный ученик отца Леонида и его преемник по старчеству, выразил общие чувства духовных чад старца: «Любезного нашего батюшки отца Леонида уже не стало с нами, тело его сокрыла от нас мать сыра земля, а душа отошла верно в руке Божии.... Вы, верно, поскорбите о нашем сиротстве, но вместе и утешитесь духом о его покое, который он несомненно обрящет по милосердию Божию.... Нельзя сомневаться, чтобы он не удостоился получить милость от Господа, и, верно, будет ходатайствовать о нас грешных, странствующих в юдоли сей плачевной и боримых страстями душевными и телесными».